
Война Владимир
Царствование
царя Фёдора
Алексеевича

Война Владимир

Царствование царя Фёдора Алексеевича

https://litres.ru/74713994
SelfPub; 2026

Аннотация

Книга представляет собой классическое исследование, опирающееся на подлинные архивные документы. Она посвящена драматическим событиям 1682 года: восстанию стрельцов, гибели боярина Матвеева и Нарышкиных, а также приходу к власти царевны Софьи. В книге впервые публикуются грамоты, указы и донесения иностранных дипломатов, что позволяет читателю погрузиться в атмосферу того времени. Издание будет полезно историкам, студентам и всем, кто интересуется историей России XVII века.

Война Владимир Царствование царя Фёдора Алексеевича

Правление царя Фёдора Алексеевича и история первого стрелецкого бунта

Часть первая

Царствование царя Фёдора Алексеевича

Царь Фёдор Алексеевич, сын царя Алексея Михайловича и Марии Ильиничны Милославской, родился 30 мая 1661 года.

Когда он достиг отроческих лет, воспитание царевича было поручено иеромонаху Симеону Полоцкому. Этот учёный муж имел счастье стать известным царю Алексею Михайловичу ещё во время пребывания государя в Полоцке.

Надо сказать, что для того века Симеон Полоцкий обладал обширными познаниями: он написал немало богословских, стихотворных, нравоучительных и драматических сочинений. Соответствовал ли нравственный облик этого учёного монаха той важной должности, на которую его назначали, — историк сказать не может. В 1667 году Симеон Полоцкий прибыл в Москву, явился к государю и патриарху и, получив повеление быть воспитателем царевича Фёдора Алек-

сеевича, поселился во дворце.

Дядьками при царевиче были назначены бояре: князь Фёдор Фёдорович Куракин и Иван Богданович Хитрово. Первый был пожалован в бояре и дворецкие в 1660 году, а второй — в 1677-м. Родители обоих служили дворецкими при царе Алексее Михайловиче, а Богдан Михайлович Хитрово был сверх того оружничим и пользовался особой милостью знаменитого Бориса Ивановича Морозова, потому что его мать была при Морозове нянькой.

Воспитательницей при царевиче была вдова Анна Петровна Хитрово, которая пользовалась исключительным уважением и имела вес при дворе.

В первый день 1673 года, когда царевичу Фёдору Алексеевичу минуло 12 лет, царь Алексей Михайлович, собрав в передней палате всех бояр, окольничих и думных людей, произнёс им следующую речь:

«Пришло нам сегодня время и час второго сына своего, благоверного царевича и великого князя Фёдора Алексеевича, Всевышнему Господу Богу отдать в послушание и ввести его в Святую, Соборную и Апостольскую церковь, и объявить его богомольцам нашим: великому господину, святейшему Иоакиму, патриарху Московскому и всея Руси, и преосвященным митрополитам, и архиепископам, и епископам, и всему освящённому собору, и вам, боярам нашим, и окольничим, и думным людям, и стольникам, и стряпчим, и дворянам, и дьякам, и жильцам, и всяких чинов людям всего

Московского государства».

После этого царь пошёл с сыном своим в церковь Спаса Нерукотворного. Там, после совершения водоосвящения, патриарх благословил юного царевича. По окончании Божественной литургии государь пригласил патриарха со всеми властями к своему столу и пожаловал дядьку царевича, думного дворянина И. Б. Хитрово, в окольничие.

Здесь будет уместно сказать несколько слов о голландском посланнике фон Кланке: он описал нам последние дни жизни царя Алексея Михайловича и коснулся последующих за тем событий. В начале 1676 года фон Кланк приближался к Москве; навстречу ему было послано 25 саней с приставом, который известил его, что царю угодно, чтобы он прибыл в столицу к празднику Богоявления Господня, дабы увидеть обряд, с которым совершается это празднество. Кланк отвечал, что поскольку его принимают с меньшим почётом, нежели Бореля, то он и не тронется с места: ибо с того времени, как царь согласился титуловать Штаты «их Высокомочные Господа Штаты Генерал славных единовластвующих вольных Соединённых Нидерландов», ему следует оказывать ту же самую честь, какую оказывают послам всех коронованных монархов.

В ответ на это Кланку дали знать, что он будет принят с той же честью, какую оказали шведскому посланнику. Вследствие этого было увеличено число стрельцов, назначенных для встречи, и посланы царские кареты для посланника.

Приставу велено было выходить из саней прежде Кланка и уступать ему первое место в карете, то есть садиться к лошадям. 19 января прибыл к нему гвардии подполковник в звании пристава и известил его, что через два дня назначен въезд с Ходынки в столицу.

При въезде в Москву по левой стороне дороги было поставлено 10 000 стрельцов с распущенными знамёнами и пушками. По правой стороне находились дворяне верхами в богатых одеждах и голландское купечество, к которому примыкали иностранные торговцы, кроме шведов. Всего их было около 60 человек, и каждый был повязан шарфом оранжевого цвета. Музыканты и барабанщики играли без умолку.

28 января Кланк имел аудиенцию у царя и представил ему следующие подарки: девять серых лошадей, 24 фляги рейнвейна, 20 кусков сукна различного цвета, 7 сундуков с благовониями, обитых парчой, 24 серебряные тарелки, 6 таких же блюд, 1 солонку, несколько хрустальной посуды и нарядную карету, запряжённую в шесть лошадей.

29 января, в субботу, в 7 часов вечера, окончил мудрый царь Алексей Михайлович жизнь свою. Голландский посланник Кланк говорит: 8 февраля по новому стилю скончался царь Алексей Михайлович после весьма тяжкой болезни. На другой день в 10 часов утра перенесли гроб его в соборную церковь со следующей церемонией: во-первых, несли навес или сень, украшенную жемчугом, алмазами, золотыми и серебряными цветами. За сим следовал патриарх со всем ду-

ховенством, производя плачевное пение; потом везли гроб в санях, покрытых красным сукном; изголовье стояло на коленях престарелой женщины, сидевшей в тех санях. За оными восемь старых бояр несли в креслах юного царя, ручки кресел были обтянуты чёрным сукном. За царём ехали в санях пять дочерей покойного монарха, а позади их шли бояре и все прочие чины, производя также плачевное пение.

Покойный царь скончался истинно по-христиански: за три часа до своей смерти объявил он сына своего наследником царства. Царя Алексея Михайловича весьма чтили за его смирение и страх Божий. Он каждую полночь молился в церкви. Каждую неделю посещал темницы и, освобождая иных несчастных, наделял их деньгами. Незадолго до кончины простил он многим государственные долги.

Немедленно по вступлении на престол царя Фёдора Алексеевича были разосланы грамоты о кончине царя Алексея Михайловича и о приведении всех к присяге. В них было сказано, что покойный царь приказал скипетр и державу и на свой царского величества престол благословил сына своего Фёдора Алексеевича. Далее говорилось в этих грамотах: «А кто именно и каких чинов у веры будут, записывать в книги».

Для приведения к присяге Донского войска был отправлен стольник Семён Колтовской. Грамота по этому случаю писана от 3 февраля, и в ней сказано: «Всему войску Донскому будет против прежнего, как было при отце нашем». Отписки повелено им было присылать в Посольский приказ

боярину Артемону Сергеевичу Матвееву.

Из такой же грамоты в Туринск от 10 февраля видно, что Сибирским приказом управлял окольничий Р. М. Стрешнев.

Замечательно, что в это время почты наши были уже в довольно хорошем положении. Отправленный из Москвы стольник князь Тимофей Афанасьевич Козловский прибыл в Тобольск с известием о вступлении на престол царя Фёдора Алексеевича 25 февраля. Царь Алексей Михайлович скончался 29 января, следовательно, нельзя полагать, чтобы князь Козловский отправился в путь ранее 1 февраля. Ныне считаем мы от Москвы до Тобольска 2517 вёрст; но тогда ездили через Соликамск и Верхотурье, а посему и должно полагать, что князь Козловский проехал более 2500 вёрст в 22 дня.

29 февраля приведены были все тобольские жители к присяге, и целовальную запись читал тобольский воевода боярин Пётр Михайлович Салтыков.

5 марта прибыл в Тобольск другой стольник, князь Иван Петрович Козловский, с тем же поручением. Трудно решить, от ошибки ли произошло подобное назначение или из предосторожности, что первый гонец мог захворать в пути.

Указы: первый — ежели кто из стольников, стряпчих, дворян московских и жильцов будет отзываться от присяги болезнью, то таковых свидетельствовать и приводить к присяге разрядным дьякам в приходских церквах. Второй — до истечения сорокадневного поминовения царя Алексея Михай-

ловича приводимых в Стрелецкий приказ за драку и пьянство не наказывать, а взыскивать с них деньги вдвое. Мы не имеем сведения, много ли денег взыскивалось с подобных людей; но во всяком случае последнее наказание не легче первого. Деньги были в тот век весьма дороги.

Голландский посланник фон Кланк сообщает нам по этому поводу любопытное сведение: «Юный царь, — говорит он, — угощал целые шесть недель нищих и роздал бедным людям 12 000 талеров, то есть 24 000 рублей».

После этих распоряжений последовали новые указы, что заслуживает уважения к правительству того времени.

Боярам, окольничим и думным людям повелено приезжать во дворец в первом часу дня и заниматься делами.

В Разбойном приказе вершить скорее дела о колодниках и освобождать их без задержания. О важных делах составлять подробные списки, подводя из Уложения и Градских законов меру должного наказания, и докладывать государю.

За военные действия царя Алексея Михайловича назначил многим в награду земли; а как некоторые из них были убиты, а другие умерли в походе, то дело это и осталось без исполнения. Царь Фёдор Алексеевич приказал награды эти выдать наследникам.

Грамоты на жалованные вотчины царь повелел печатать, взыскивая с каждой четверти земли по две деньги пошлин.

По законам того времени воеводы имели власть судебную и исполнительную над всеми лицами, в воеводствах их на-

ходившимися. Царь приказал, чтобы головы кабацкие, таможенные и целовальники были изъяты из сего числа. Сверх того изданы были несколько статей в дополнение к Уложению и указы о наследствах, земельных делах и межевании.

Соображая весь ход действий царя Алексея Михайловича, можно заключить, что царь не только не хотел удалить сына своего Фёдора Алексеевича от престола, но даже приготавливал его к царствованию.

Продолжительная болезнь царя и существовавшая в то же время сильная вражда между фамилиями Милославских и Нарышкиных подали последним мысль составить акт о том, что будто бы царь Алексей Михайлович оставляет престол свой младшему сыну, ибо оба старшие по слабости душевных и телесных сил неспособны царствовать. Боярин А. С. Матвеев, начальствуя Посольским приказом и имея особенную власть и силу, мог надеяться, что план этот удастся, ибо правителем государства во время царева малолетства назначался он сам.

Неизвестно, почему не привели Матвеев и Нарышкины план этот в исполнение. Вероятно потому, что не успели они оградить себя со всех сторон; а царь Алексей Михайлович скончался скорее, нежели они предполагали.

Таннер, польский дипломатический чиновник, говорит также о намерении Артемона Сергеевича Матвеева возвести на престол младшего царевича; но что боярин М. И. Долгорукий сему воспротивился. По словам его, партия Матвеева

была весьма сильна. Царь, продолжает Таннер, сослал сего боярина в ссылку и приказал отобрать у него имение, которое было так значительно, что на вывоз его составил 14 дней. Таннер был в Москве в мае 1678 года. Описание его многих предметов весьма верно; следовательно, нельзя усомниться и в этом известии, ибо оно согласно с показанием Залуского и того иностранца, на которого ниже сего ссылаются издатели «Theatrum Europaeum».

Если А. С. Матвеев не сказал бы в письмах о времени и причине своей ссылки, а сын его не дополнил бы факт некоторыми подробностями, то трудно бы было объяснить его дело и согласить оное с вышеприведённым известием. А. С. Матвеев говорит, что И. М. Милославский, Б. М. Хитрово, племянник его Александр Севастьянович Хитрово и В. С. Волынский, позавидовав его величию, обнесли его перед царём и убедили послать его в воеводы на Верхотурье.

Положим, что не было никаких других причин к удалению А. С. Матвеева. В таком случае не стали бы препятствовать ему в пути, а ускорили бы его. Напротив того, видим, что А. С. Матвеева, плывшего водою, задержали в Ланшеве, обыскивали, перевезли в Казань, подвергли вторичным допросам и после сего через два года сослали в Пустозерск, взяв всё его имение в казну.

Боярин А. С. Матвеев говорит в письмах своих, что на него доносил доктор Берлов, будто бы он хотел отравить царя, производил для этого разные чародейства и хранил при

себе книгу, цифирью написанную, которую весьма строго доискивались.

Невероятно, чтобы это была прямая причина его ссылки. Больного царя мудрено отравить даже доктору: слишком много глаз смотрят и рук действуют при этом случае. И в колдовстве нельзя не усомниться, ведь бояре, окружавшие царя, были не столь наивны и суеверны.

Основательнее будет допустить то, что следователи искали известных им улики и, не желая объявить прямого их значения, прикрывали намерение своё отравой и кабалистикой. Утончённость эта делает особенную честь прозорливости боярина Ивана Богдановича Милославского. Ум и способности его известны нам из истории царя Алексея Михайловича. Монарх сей поручал ему разные должности: Милославский был воеводою в Архангельске, разбил Стеньку Разина при Симбирске и отнял у него Астрахань. Он же сопровождал английского посла Карлиля в Москву. Следовательно, нельзя думать, чтобы И. Б. Милославский был суеверен и глуп.

Следователи искали на барках, принадлежащих Матвееву, пушек, пистолетов, панцирей, пороху, свинцу и карабинов. Неизвестно, много ли и что они там нашли. Сам Матвеев говорит в первом своём письме, что у него были только две пушки и небольшое количество пистолетов. Это уже не волшебство!

Число преступников увеличивалось ежедневно. Многих

после пытки ссылали в Сибирь. Бывший канцлер А. С. Матвеев, высланный в августе из Москвы, был изобличён ещё в новых преступлениях. Посему и послано было к нему 100 человек гвардии для розыска и следствия.

Обстоятельство это видно и в письмах Матвеева: доехав до Ланшева по собственному произволу, там уже подвергся он следствию. Матвеев говорит, что первый донос подал на него немецкий резидент. Может быть, время объяснит всё дело это, которое мы до сих пор, зная только по письмам самого Матвеева, считаем его совершенно правым.

Далее продолжает Матвеев, что Родион Матвеевич Стрешнев, объявляя ему царской указ ехать на воеводство в Верхотурье, требовал, чтобы он немедленно туда отправился; а дьяк выслал его без весла и кормщика. Подобным образом и Матвеев при царе Алексее Михайловиче отправил И. М. Милославского воеводою в Астрахань. О чём и говорит он в письмах своих, присовокупляя, что воеводство это было почётное и что Милославский не мог оскорбиться этим назначением.

Надобно полагать, что А. С. Матвеев подвергся гневу государя прежде венчания его на царство; ибо в грамотах и списках, по сему случаю состоявшихся, имя Матвеева нигде не упоминается.

Обращаясь к нравственному характеру боярина Матвеева, надобно сказать: если бы он любил монарха и благодетеля своего, то воспрепятствовал бы браку его с девицею На-

рышкиной. Артемон Сергеевич Матвеев, обладая здравым и проницательным умом, мог легко предвидеть, что от этого союза произойдут бедствия для России. Царю Алексею Михайловичу было 42 года от рождения, и тучность тела его не предвещала ему долголетия.

Семейство царя состояло из двух равнолетних ему сестёр, шести дочерей, из которых три были совершенно взрослы, а младшей наступал одиннадцатый год. Наследник престола был 10 лет, а брат его Иоанн Алексеевич — 5 лет.

Можно ли было ожидать, что семнадцатилетняя царица будет достойною матерью столь многочисленного семейства?

Нельзя было не предвидеть, что со вступлением Натальи Кирилловны во дворец изменятся многие обычаи и самый образ жизни царя… Выступят на дворскую сцену новые лица, которые заслонят собою старых вельмож и тем посеют в груди их ненависть, вражду, злобу. Матвеев мог всё это предвидеть, но своекорыстие и алчность к почестям заглушили в нём любовь к отечеству и к царю.

Конечно, от брака этого родился монарх, знаменитый в летописях Европы. Обширному уму и неусыпной деятельности его обязана Россия многими усовершенствованиями. Но рождение сего монарха есть дело случая, о коем Матвеев и помышлять не мог.

В записках, к Сибирской истории относящихся, сказано, что в 1676 году послан вместо опалы воеводою в Верхоту-

рье боярин А. С. Матвеев. В Ланшеве, что при Каме, был он остановлен, отвезён в Казань, лишён боярского сана и имущества и отправлен с сыном своим в Пустозерск. На проезд дано им из собственных животных 500 рублей. А был он в ссылке 5 лет. В исходе 1682 года повелено ему жить до указу в подмосковной деревне.

Надобно полагать, что в заговоре против царя подозревали также низложенного патриарха Никона; ибо около сего времени отвезли и его в заточение в Кириловский монастырь. Имение и бумаги у него отобрали, приближённых его сослали в Крестной монастырь и, говорит Шушерин, «не даша ему и нужных потреб… Келий бо, идеже его затопити, неугоже вельми».

По привезении Никона в Кириловский монастырь прибыли туда и следователи. Они прочитали ему 300 обвинительных пунктов. Получа на них ответы, возвратились в Москву оставив его под крепким караулом. Вскоре после этого появились вновь следователи, и отобрали у него панагию/ нагрудный знак епископа/ и две печати .Почему все это произошло может объяснить найденные нечаянно бумаги.

Венчание на царство

16 июня состоялось венчание на царство по древнему царскому чину. Царский венец нес боярин Р. М. Стрешнев, скипетр — боярин Иван Федорович Стрешнев, а затем князь Юрий Петрович Трубецкой. Яблоко (державу) держал казначей Камынин, а блюдо — думный дьяк Дементий Башмаков.

Мису (чашу) с золотыми деньгами, которыми осыпали государя после венчания, принес Разрядный дьяк Федор Шакловитый, известный по последнему Стрелецкому бунту. За животворящим Крестом был послан боярин И. А. Хилков. На помосте, вместе с государем, стояли бояре: князь И. И. Одоевский, князь Ю. А. Долгорукий и Б. М. Хитрово. Государю помогали его дядьки — бояре князь Куракин и Хитрово. Царскую одежду принес стряпчий

Алексей Тимофеевич Лихачев и, сдав её дьякам государевым, принял прежнюю.

Касимовский царевич осыпал царя золотыми монетами, а мису держал А. Т. Лихачев.

Во время церемонии царь приказал боярам и окольничим не учитывать их прежние заслуги.

Многие были награждены чинами, что видно из списка бояр и окольничих. Однако, примечательно, что среди них не было ни одного из Нарышкиных. Боярин Матвеев утверждал, что причиной этой холодности была Анна Петровна Хитрово. Но более вероятно, что это было связано с попыткой царицы Натальи Кирилловны возвести на престол своего сына и самой стать правительницей государства.

Посланник фон Кланк, говоря о венчании царя Фёдора Алексеевича на царство, подтверждает это известие. Издатели «Theatrum Europaeum» добавляют, что вскоре после этого фон Кланк уехал из России очень довольным. Ему удалось добиться для своего правительства важного торгового пра-

ва: покупать в Москве шелк и другие персидские товары, а затем вывозить их в Архангельск, платя только установленную пошлину.

Иностранное известие это подкрепим отечественным актом: в 1667 году заключён был договор с армянами в том, чтобы им привозить в Астрахань весь выделываемый в Персии шёлк и, заплатя установленную пошлину, продавать его, а что не продастся, то привозить в Москву, а потом к городу Архангельску и даже за море. За неимением денег дозволялось им оставлять вместо денег двадцатую часть товара залогом. Но за море дозволялось армянам отвозить товары свои только с условием, чтоб возвратиться им в отечество своё через Россию же, а не через другие государства.

В 1675 году подтверждён договор этот с тем, что если армяне не найдут случая сбыть товары свои в России, то товары будут взяты в казну: шёлк по 50 рублей за пуд, а прочие по продажным ценам. В замен этого армяне обязывались в Турцию с шёлком не ездить и иностранцам в Персии его не продавать.

При составлении первого акта призваны были в Посольский приказ российские гости: Шорин, Юрьев, Гурьевы (Иван, Фома и Михайло), Антонов, Худяков, Флатьев, Горбов, Потапов, Кириловы (Аверкий и Яков), Климитины (Иван, Киприан и Фёдор), Суханов и Сверчков. Им предложен был вопрос: не сделает ли составленный с армянами договор подрыва российскому купечеству?

Торговцы эти отвечали: при царе Михаиле Фёдоровиче и до нынешнего времени армяне продавали товары свои одним только русским и через Московское государство с товарами своими в немецкие земли не ездили. Русские же купцы возили товары свои и немецкие в Астрахань и Персию и вымениваемый там шёлк продавали в казну. Казна же перепродавала его немцам на свои руки. Ежели же шаховы люди станут торговать шёлком и другими персидскими товарами в Астрахани, Москве, Архангельске, Новегороде, Пскове и Смоленске, то нанесут казне убыль и русских купеческих людей промыслами завладеют и доведут их до убожества.

Мнение это было уважено, и армянам дозволено было продавать товары свои одним только русским, а за море не ездить.

Когда голландский посланник фон Кланк стал ходатайствовать о позволении торговать шёлком, то призваны были опять торговые гости для рассуждений по сему предмету.

Гости отвечали: в 1667 году дана была грамота армянам, но они её не исполняли, продавали шёлк прежними путями и раз только привезли оного 100 пуд, за который и выдана им была из казны полная цена в поощрение, дабы они впредь более оного доставляли. Ныне же полагают они иметь торг с Голландиею по совету посланника её фон Кланка.

Голландский посланник обещает россиянам большие выгоды, но ему следовало бы не только говорить о них, но и показать конкретные результаты. Нужно договориться с каз-

ной и русскими купцами о закупке всего имеющегося у них шелка. Если он этого не сделает, то очевидно, что его цель — прибыль для себя, а не для нас. Голландцы, живя в России, изучали наши товары и их потребности. Поэтому они снижали цены на наши товары, а на свои повышали.

Чтобы не отучить персов привозить к нам шёлк, разрешить им торговать с голландцами в течение двух лет для изучения опыта. Если разрешить этот торг навсегда, голландцы захватят торговлю русских людей, как это произошло в Индии: завладели там золотом, серебром и всеми промыслами, что привело к их обогащению, а местных жителей сделало бедными.

По вышеприведённому известию надобно заключить, что мнение гостей наших утверждено было царским указом.

Юный царь, по мнению издателей «Theatrum Europaeum», сразу задумался о возвращении Ингерманландии и части Лифляндии, особенно Нарвы. Шведы тогда воевали с датчанами, и царь посчитал это удобным моментом для своих планов. Однако он не хотел внезапного нападения и решил предупредить пограничное начальство. Если они откажут, царь воспримет это как нарушение всех предыдущих соглашений.

В конце июня из Москвы к шведской границе отправились 10 комиссаров и 4 пехотных полка по 1200 человек под командованием генерала Хованского. Вместе с ними было 8 пятисотенных полков кавалерии, всего около 9000 бойцов. Новгородское дворянство со слугами составило ещё около

50 000 воинов.

Шведские послы старались оправдать своё правительство и доказать искреннее желание сохранить дружбу. Они просили отсрочку на месяц.

15 сентября вновь встретились представители обеих сторон. Шведские послы заявили, что король не может полностью удовлетворить требования царя и будет вынужден защищаться силой. Переговоры продолжались несколько дней, но не привели к соглашению. В итоге послы разъехались, не достигнув конкретных договорённостей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.